

1

Ж ИЛ В ДАВНИЕ ВРЕМЕНА джентльмен — высокий, обличия самого благородного, — взявший себе за правило приходить в первое воскресенье каждого месяца на рыночную площадь Портсмута, чтобы пополнить свою библиотеку.

Когда я увидел его впервые, внимание мое привлекла карета, в которой привозил этого джентльмена слуга. Чернее черного, но осыпанная сверху серебристыми звездами, говорившими, пожалуй, что джентльмен питал интерес к миру, который лежит за пределами нашего. Большую часть утра он проводил, роаясь в содержимом книжных лотков, что выставлялись перед лавками, или водя пальцами по корешкам книг, стоящих на полках внутри лавок, вытягивая одни, чтобы взглянуть на скрытые под их обложками слова, перекладывая другие из ладони в ладонь, чтобы осмотреть переплет. Клянусь, ему случалось едва ли не принохиваться к чернилам на страницах, столь внимательно изучал он некоторые тома. Иногда джентльмен увозил с рынка несколько ящиков с книгами, и ящики эти приходилось, чтобы они не свалились, привязывать к крыше кареты пеньковым жгутом. В другие дни ему удавалось найти хорошо если один заинтересовавший его том. И пока он изыскивал возможность облегчить свой бумажник, я изыскивал возможность освобо-

дить его карманы от лишних вещей — таким было в ту пору мое ремесло. Ну если не все карманы, то хотя бы один. Время от времени мне удавалось разжиться его носовым платком, после чего моя знакомая, Флосс Маккей, за фартинг или около того спарывала с него монограмму МЗ, чтобы я мог за пени продать платок портомойке, а та, в свой черед, подыскивала для него покупателя и получала маленькую прибыль, которую расходовала на джин и пикули. Как-то раз джентльмен оставил при входе в галантерейную лавку свою шляпу, так я прибрал и ее и обменял на мешочек стеклянных шариков да воронье перо. Я несколько раз пытался и к бумажнику его подобраться, однако бумажник он, как и подобает джентльмену, держал поближе к телу, но однажды я, увидев, как он расплачивается с книгопродавцем, понял: это человек из тех, кому нравится иметь при себе порядочные деньги, и твердо решил, что рано или поздно они перейдут в мои руки.

Я упоминаю о нем здесь, в самом начале моего повествования, чтобы поведать о происшествии, случившемся в одно из воскресных рыночных утр, когда воздух был необычайно тепл для рождественской недели, а улицы на редкость тихи. К моему разочарованию, джентльмены и леди, прибывшие на рынок за покупками, были немногочисленны, а между тем я намеревался попотчевать себя через два дня особым обедом, дабы отпраздновать рождение Спасителя, и нуждался в шиллинге для его оплаты. Впрочем, мой джентльмен на рынок пришел — приодевшимся, чуть пахнувшим одеколоном, и я вертелся близ него, ожидая удобного случая сделать свой ход. Как правило, отвлечь его от чтения могло разве что пробежавшее через рынок стадо слонов, однако в то декабрьское утро ему взбрело в голову посмотреть в мою сторону, и на миг я подумал, что он меня раскусил и мне крышка, хоть ничего преступного я еще и не совершил.

— С добрым утром, мой мальчик, — сказал он, снимая очки и вглядываясь в меня, и слегка улыбнулся, изображая беззаботность. — Хорошее нынче утро, не правда ли?

— Да, если кому нравится солнечное Рождество, однако я не из них, — грубовато ответил я.

Джентльмен обдумал мои слова, прищурился и немного склонил голову набок, оглядывая меня с головы до ног.

— Что же, ответ не хуже прочих, — сказал он, и по тону его я понял, что джентльмен не уверен, нравится ему этот ответ или не очень. — Вы, полагаю, предпочитаете снег? Мальчикам он обычно по душе.

— Мальчикам, может, и по душе, — ответил я, вытягиваясь во весь рост, по части которого мне, однако ж, не пришлось тягаться с джентльменом, хоть я и был повыше некоторых. — А мужчинам — нет.

Он снова чуть улыбнулся, продолжая разглядывать меня.

— Прошу прощения, — сказал он, и я подумал, что уловил в его речи отзвук какого-то акцента. Французского, может, хоть джентльмену почти удавалось скрывать его, как то и положено. — Я не хотел вас обидеть. Вы определенно мужчина зрелых лет.

— Да я и не обиделся, — ответил я и слегка поклонился. Два дня назад, в ночь солнцеворота, мне стукнуло четырнадцать, и я решил никому больше не позволять говорить со мной свысока.

— Я ведь видел вас здесь и прежде, не так ли? — спросил он, и я сказал себе, что лучше бы мне уйти, ничего не ответив, поскольку для болтовни у меня ни времени, ни настроения не было, однако счел, что должен держать фасон. Если он и вправду француз, то это мой город, не его. Как-никак я англичанин.

— Не исключено, — сказал я. — Я живу неподалеку отсюда.

— А могу я осведомиться, не встретился ли мне в вашем лице мой собрат, ценитель искусств? — продолжал он, и я по-мрачнел, пробуя его слова на вкус, точно мясо на кости, и уткнул язык в уголок рта, отчего тот вздулся, — Дженни Данстон, увидев это, называла меня уродом, только для живодерни и годным. Джентльмены, они такие: никогда пятью словами не обойдутся, если можно сказать пятьдесят. — Я полагаю, вас привела сюда любовь к литературе? — спросил он затем, и я решил: пошло оно все к дьяволу, и уж собрался обложить его последними словами и отправиться искать другого бобра, но тут он громко захохотал, как будто я — совсем уж дурак дураком, и, подняв руку с книгой, ткнул ею в меня. — Вы любите книги? — спросил он, переходя наконец к сути дела. — Нравится ли вам читать?

— Нравится, — признался я и, поразмыслив, добавил: — Хотя книги мне в руки попадают не часто.

— Да, могу себе представить, — сказал он уже тише, снова оглядев меня сверху донизу. Думаю, по виду моего разномастного тряпья ему не составляло труда заключить, что в настоящее время я избытком средств не упиваюсь. — А между тем юноша, подобный вам, должен всегда иметь под рукой книги. Они обогащают ум, понимаете? Задают вопросы о вселенной и помогают чуть лучше понять наше место в ней.

Я кивнул и отвел взгляд в сторону. Не было у меня привычки вступать в разговоры с джентльменами, и будь я проклят, если собирался начать подобным образом день.

— Я спрашиваю об этом... — продолжал он с видом архиепископа Кентерберийского, который произносит проповедь перед одним всего-навсего человеком, не желая, однако ж, прерывать ее из-за нехватки слушателей. — Я спрашиваю об этом лишь по причине моей уверенности, что видел вас здесь и раньше. На рыночной площади, хотел я сказать. И в частности, у книжных лотков. А юные читатели внуша-

ют мне большое почтение. Собственный мой племянник — увы, я не могу заставить его продвинуться в книге дальше фронтисписа.

Верно, книжные лотки были моим постоянным рабочим местом, но лишь потому, что у них легче подловить бобра, вот и все, ведь кто же покупает книги, как не те, у кого деньжата водятся? Однако его вопрос хоть и не содержал обвинения, разобидел меня, и я надумал поиграть с ним еще немного и посмотреть, в каких дураках он у меня останется.

— Что же, хорошее чтение мне по душе, — сказал я, потирая ладонь о ладонь, — ни дать ни взять благовоспитанный сын герцога Девонширского, весь такой нарядный, в лучшем своем воскресном костюме, с намытыми ушами и начищенными зубами. — О да, уверяю вас. Собственно говоря, я намереваюсь когда-нибудь посетить Китай, если смогу найти время, свободное от выполнения моих нынешних обязанностей.

— Китай? — переспросил джентльмен, глядя на меня так, точно я вдруг отрастил двадцать голов. — Прошу прощения, вы сказали “Китай”?

— Вне всяких сомнений, сказал, — и я снова отвесил ему легкий поклон и вообразив на миг, что он, если сочтет меня образованным, может взять в свой дом, как собственного сына, и обрядить в самые лучшие одежды; конечно, жизнь моя тогда переменится, но, возможно, не к худшему.

Джентльмен глядел на меня по-прежнему, и я подумал, что, пожалуй, ляпнул глупость, поскольку вид у него был здорово озадаченный. Сказать по правде, мистер Льюис, который заботился обо мне в те годы и в доме которого я жил, сколько себя помнил, за всю мою жизнь мне только две книги почитать и дал, а действие их происходило как раз в этой далекой стране. Первая рассказывала о малом, который приплыл туда в старой ржавой шляпке, и лишь для того, чтобы тамошний император стал требовать от бедняги исполне-